

Стефан Цвейг в СССР: 1920-е годы

Подобной другим крупнейшим немецким писателям XX века (Г. Гауптман, Т. Манн, Р.- М. Рильке) Стефан Цвейг (1881–1942) был в течение всей своей жизни духовно и творчески связан с Россией и русской литературой. Им написаны обширные эссе о Достоевском и Толстом, несколько статей о Максиме Горьком и др. «Толстой для меня – великий учитель, – говорил Цвейг в 1928 году. – Вся наша юность там, на Западе, пошла по двум руслам, была раздвоена между двумя гениями – Толстым и Достоевским. И благодаря этим писателям Россия стала для нас подлинным проводником к современному искусству»¹.

Упоминания о Цвейге, как и публикации его отдельных произведений, появлявшиеся в России в первые два десятилетия XX века, носили в целом эпизодический характер². Первым из крупных русских писателей, высоко оценивших Цвейга, был В. Брюсов – это имя он узнал в 1903 году от Максимилиана Шика (1884–1968), литератора, близкого к кругу московских символистов. В 1903–1906 годах Шик подолгу жил в Берлине и в своих письмах к Брюсову подробно рассказывал о современных немецких писателях и живописцах. Познакомившись с художником Эфраимом М. Лилиеном (1874–1925), Шик – при его посредничестве – вступает в переписку с С. Цвейгом. В одном из писем к Брюсову (сентябрь 1903 года) Шик рассказывает:

«Zweig очень одаренный юноша. Он издал два года тому назад книгу стихов “Silberne Saiten”, кроме того – том переводов Бодлера и том переводов Верлена. Я с ним знаком лишь на бумаге, так как благодаря общим друзьям начал переписываться с ним. Он живет в Вене. Зимой он будет здесь, и тогда я познакомлюсь с ним». К письму был приложен перевод стихотворения Верхарна «Светлые часы», выполненный Цвейгом.

Спустя два месяца, 16 ноября 1903 года, Шик снова вспоминает о Цвейге. «Мой друг, – пишет он Брюсову, – молодой венский поэт Stefan Zweig, который кроме сборника своих стихов уже издал перевод Бодлера и Верлена. Пробу его переводов я Вам недавно прислал»³.

¹ Читатель и писатель. 1928. № 37. 15 сентября. С. 7.

² Одно из стихотворений Цвейга было опубликовано в петербургском журнале «Нива» (1906. № 2. С. 24; пер. В. Лихачева) – первая публикация Цвейга на русском языке. Первое отдельное издание вышло в 1912 г. (*Цвейг С. Из ранней юности*. Пер. Р. Маркович. «Хронос». СПб., 1912). Подробнее см.: Стефан Цвейг. Библиографический указатель. Сост. З. В. Житомирская. М., 1976. С. 70 и 77; *Nymphius Ch. Die Stefan-Zweig-Rezeption in der UdSSR*. Mainz, 1996. S. 32–34, 224 (*Deutsch-russische Literaturbeziehungen. Forschungen und Materialien*. Hrsg. von Frank Göbler. Bd. 7).

³ Цит. по: Азадовский К. М. Максимилиан Шик и его письма из Германии (1903–1907 гг.) // Восприятие русской литературы за рубежом. XX век. Л., 1990. С. 124–125.

Сообщения о молодом венском переводчике Верхарна не могли не заинтересовать Брюсова, которые уже в 1890-е годы был увлечен стихами бельгийского поэта и переводил их на русский язык. В 1904 году, возглавив издание символистского журнала «Весы», Брюсов в одном из первых номеров помещает краткую аннотацию статьи Цвейга о Верхарне, напечатанную в берлинском еженедельнике «Das literarische Echo»⁴. В том же журнале появляется в 1907 году рецензия В. Гофмана на стихотворный сборник С. Цвейга «Die frühen Kränze» («Ранние венки»)⁵. Имя Цвейга упоминается также в обзорных статьях и рецензиях, посвященных современной немецкой литературе⁶. С этих публикаций в «Весах» и начинается, собственно, история «русского Цвейга».

Журнал «Весы» прекратился в конце 1909 года, а с осени 1910 года Брюсов возглавляет литературно-критический отдел «Русской мысли». Среди зарубежных авторов, которых Брюсов пытается привлечь к сотрудничеству в «Русской мысли», – Стефан Цвейг. «Я имел случай – сообщает Брюсов 24 ноября 1910 года П. Б. Струве, редактору журнала, – недавно писать Стефану Цвейгу, небезызвестному немецкому писателю. Я предложил ему попытаться написать о немецкой литературе для “Русс<кой> Мысли”»⁷. Цвейг, однако, отказался, «ссылаясь на то, что не любит заниматься журналистикой» (из письма Брюсова к П. Б. Струве от 9 января 1911 года)⁸.

Посредником в знакомстве (заочном) Цвейга и Брюсов был Э. Верхарн, с которым Брюсов переписывался, начиная с 1906 года; имя Цвейга постоянно упоминается в их письмах в связи с переводом драмы Верхарна «Елена Спартанская» на немецкий и русский языки⁹ и работой Цвейга о Верхарне. Нет сомнений, что Верхарн рассказывал Брюсову о Цвейге во время их первой личной встречи в октябре 1908 года в местечке Кайу-ки-Бик (Бельгия); точно также Верхарн способствовал и заочному знакомству Цвейга с Брюсовым. «Я много говорил о Вас с Цвейгом,

⁴ Весы. 1904. № 4. С. 75 (раздел «В журналах и газетах»). Подпись L. – один из псевдонимов Брюсова.

⁵ Весы. 1907. № 9. С. 89–90.

⁶ См., например: *Лютер А.* Немецкая литература в 1905 году // Весы. 1905. № 12. См. также рецензию В. Гофмана на кн. «Bethge H. (Hrsg.). Die Lyrik des Auslandes in neuerer Zeit (Зарубежная лирика новейшего времени) Leipzig, 1907» // Весы. 1908. № 1.

⁷ *Брюсов В. Я.* Письма к П. Б. Струве. Подготовлено А. Н. Михайловой // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. Вып. 5. М.; Л., 1960. С. 305.

⁸ Там же. С. 306.

⁹ Переводчиком драмы на немецкий язык был С. Цвейг, на русский – В. Брюсов (отдельное издание было выпущено издательством «Скорпион» в 1909 г.). Издавая в 1912 г. «Елену Спартанскую» (перевод Брюсова был выполнен по рукописи), Верхарн снабдил книгу следующим посвящением: «Моим друзьям Стефану Цвейгу и Валерию Брюсову, переводчикам этой лирической трагедии на немецкий и русский».

который посетил меня две недели тому назад, – сообщает Верхарн Брюсову 26 августа / 8 сентября 1910 года. – Ах, если бы и вы были тут!» (письмо написано в Кайу-ки-Бик)¹⁰. Это письма, как явствует из его содержания, Верхарн писал, держа в руках последний номер «Русской мысли», в котором была напечатана статья Брюсова «Новые книги Эмиля Верхарна¹¹».

Переписка Брюсова и Стефана Цвейга, завязавшаяся в 1910 году и длившаяся до 1914 года, сохранилась не полностью. В настоящее время известны лишь одно единственное – если не считать двух, написанных совместно с Верхарном¹², – письмо Цвейга к Брюсову (от 12 июля 1911 года, из Вены)¹³ и четыре письма Брюсова к Цвейгу¹⁴.

Не подлежит сомнению, что имя Цвейга не раз упоминалось и в тех разговорах, которые вели между собой Верхарн и Брюсов в ноябре 1913 года, когда бельгийский поэт посетил Петербург и Москву. В написанной совместно с Верхарном открытке к Брюсову (от 26 марта 1914 года) Цвейг, в частности, сообщал: «Верхарн рассказывает чудеса о своем пребывании в России, он в восторге от нее. Вскоре пришлю вам свою книгу о Достоевском¹⁵, надеюсь, что она вас заинтересует»¹⁶. Это было последнее приветствие, полученное Брюсовым от своего австрийского собрата.

*

Несмотря на публикации в «Весах» и «Русской мысли» имя Цвейга оставалось в России почти не известным до начала 1920-х годов. Переломным моментом следует считать 1923–1924 годы, когда

¹⁰ Переписка <Брюсова> с Эмилем Верхарном 1906–1914 / Вступ. статья и публ. Т. Г. Динесман // Валерий Брюсов. (Литературное наследство. Т. 85). М., 1976. С. 603.

¹¹ Русская мысль. 1910. № 8. С. 15–17. Статья Брюсова (четвертая в цикле «Литературная жизнь во Франции») содержала обзор книг Верхарна, появившихся в 1909–1910 гг., а также монографий о нем, в том числе – книги С. Цвейга во французском переводе: *Zweig S. Emile Verhaeren. Sa vie, son oeuvre*. Paris, 1910.

¹² Открытки от 19 марта 1912 г. и 26 марта 1914 г. (см.: Переписка <Брюсова> с Эмилем Верхарном 1906–1914. С. 610 и 621).

¹³ См.: *Азадовский К.* Письмо Стефана Цвейга к В. Я. Брюсову // Темы и вариации. Сборник статей к 50-летию Лазаря Флейшмана. Edited by Konstantin Polivanov, Irina Shevelenko, Andrey Ustinov. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8). Stanford, 1994. С. 270–275.

¹⁴ См.: Неизвестные письма Брюсова. Публ., вступ. статья и коммент. Ады Штейнберг // *Slavica Hierosolymitana*. Edited by L. Fleishman, O. Ronen and O. Segal. (Slavic Studies of the Hebrew University. Vol. IV). Jerusalem, 1979. P. 261.

¹⁵ Работа над Достоевским, начатая Цвейгом в 1913 году (стихотворение «Мученик Достоевский. 22 декабря 1849»), была прервана войной и растянулась на долгие годы. Книга о Достоевском, о которой Цвейг сообщает Брюсову в марте 1914 г., была завершена и опубликована лишь в 1920 году (см.: *Zweig S. Drei Meister: Balzac – Dickens – Dostojewski*. Leipzig, 1920).

¹⁶ Переписка <Брюсова> с Эмилем Верхарном 1906–1914. С. 621.

петроградское издательство «Атений» выпускает в свет две книги писателя, быстро и широко разошедшиеся¹⁷, а Государственное издательство публикует пьесу «Легенда одной жизни»¹⁸ и книгу о Ромене Роллане¹⁹. В эти же годы начинается переписка и дружба Цвейга с Максимом Горьким. Однако подлинную – всероссийскую – популярность Цвейг получает лишь после того, как его произведения начинает печатать издательство «Время».

Это издательство (или «товарищество»), организованное на кооперативных началах, было оформлено еще в 1922 году, но официально развернуло свою деятельность с 1 марта 1923 года. Его учредителями были И. В. Вольфсон и Г. П. Блок, в прошлом – сотрудники издательства З. И. Гржебина. Председателем правления долгое время оставался И. В. Вольфсон²⁰. Характер изданий, которые выпускало «Время», был поначалу весьма неоднороден. Постепенно, однако, издательство нашло свое собственное направление, специализировавшись на издании научно-популярной и иностранной художественной литературы. Довольное скоромное в первые годы своего существования, издательство «Время» впоследствии расширило поле своей деятельности. Если поначалу товарищество насчитывало 10 членов, то к 1931 году его состав увеличился до 23 человек²¹. Объем продукции, выпускаемой издательством, постоянно колебался и был различным в разные годы. Наибольшее число названий приходится на 1925–1926 годы (в 1925 году –

¹⁷ Цвейг С. Амок. Новеллы. Пер. Д. М. Горфинкеля. Пб., 1923; Цвейг С. Вторая книга Амока. Новеллы. Пер. И. Б. Мандельштама. Л., 1924.

¹⁸ Цвейг С. Легенда одной жизни. Пьеса в трех действиях. Пер. И. Б. Мандельштама. Предисл. А. Г. Горнфельда. М. – Пг., 1923.

¹⁹ Цвейг С. Ромэн Роллан. Его жизнь и творчество. Перевод с нем. проф. Г. Генкеля. М. – Пг., 1923 (книга печаталась в Петрограде).

²⁰ Илья Владимирович Вольфсон (1882–1950) – издательский работник. Родился в Витебске в многодетной семье. Учился в Германии (Лейпциге). В 1911–1912 гг. издавал в Петербурге справочник «Газетный мир». Незадолго до Октября работал в редакции газеты «Речь». С 1919 по 1922 гг. – заведующий петроградским отделением издательства З. И. Гржебина. В 1922 г. возглавил организованное им кооперативное издательское товарищество «Время» и, являясь его основным пайщиком, руководил им до 1930 г. В начале 1930 г. был арестован и осужден по двум пунктам 58-й статьи и по ст. 169 УК РСФСР (в редакции 1926 года) к трем годам лишения свободы (работал на строительстве Беломорканала). Освобожден в марте 1935 г. (в мае 1989 г. реабилитирован по ст. 58-й). С середины 1930-х гг. и до конца жизни И. В. Вольфсон работал в издательстве «Химия» (сначала в Москве, а затем в ленинградском отделении этого издательства, где заведовал производственной частью). По словам людей, лично знавших Вольфсона, он был разносторонне образованным и глубоко интеллигентным, мягким и отзывчивым человеком; в то же время отличался целеустремленностью и упорством, умением доводить до конца любое начатое им дело.

²¹ РО ИРЛИ. Ф. 42. Ед. хр. 1. Л. 1 (сведения по истории возникновения и дальнейшей деятельности издательства, составленные для представления в Комитет по делам печати и в другие органы, 1929–1934 гг.).

68 названий, в 1926 году – 70). В последний период существования число это резко сокращается (что было вызвано, в частности, затруднениями с бумагой): в 1932 году было реализовано всего 18 названий, в 1933 году – 19, в 1934 году – 14. Летом 1934 года издательство «Время» прекращает свою работу²².

Выпуская в свет произведения зарубежных авторов (следует заметить, что среди них встречались порой случайные и второсортные писатели), издательство «Время» уделяло большое внимание художественной стороне переводов с иностранного языка на русский. В издательстве сотрудничали видные поэты и переводчики: В. А. Зоргенфрей, М. А. Кузмин, М. Л. Лозинский, О. Э. Мандельштам, А. А. Франковский и др. К редакторской и редакционной работе привлекались также Г. П. Блок, В. А. Десницкий, С. Ф. Ольденбург, Б. М. Эйхенбаум (большинство перечисленных авторов считались членами товарищества). С 1931 года при издательстве работал редакционный совет, председателем которого был избран А. В. Луначарский. Говоря о развитии в нашей стране переводческой культуры и о том высоком профессионализме, который был с годами достигнут в этой области, нельзя не упомянуть о деятельности издательства «Время». «...Издательство вызывает впечатление очень серьезного и культурного дела», – писал М. Горький И. В. Вольфсону 26 февраля 1926 года²³.

В 1925 году издательство «Время» выпускает сборник новелл Стефана Цвейга «Жгучая тайна. Первые переживания» (в переводе П. С. Бернштейн и А. И. Картужанской под редакцией Г. П. Федотова). Вслед за тем, оно переиздает книгу «Амок», выпущенную в 1923 году издательством «Атеней». Оба эти издания, подобно предыдущим, появились в свет – как это было принято в России (еще до 1917 года), не примкнувшей в свое время к международной конвенции, – без согласования с автором.

Обращению Цвейга в издательство «Время» (первое письмо – от 30 декабря 1925 года) предшествовала его переписка с лейпцигским издательством «Insel», в котором, начиная с 1904 года, печатались произведения писателя. В июне 1925 года в одном из своих писем к А. Ф. Хюниху²⁴ Цвейг выразил беспокойство по поводу «пиратских» изданий его книг в России. Хюних, состоявший тогда в постоянной переписке с искусствоведом, собирателем и библиофилом П. Д. Эттингером (1866–

²² См. подробнее: *Шомакова И. А.* Издательство «Время» (1922 – 1934 гг.). – В кн.: Книга. Исследования и материалы. Т. XVII. М., 1968. С. 199–214.

²³ М. Горький и советская печать. Кн. 1. М., 1964. С. 29 (Архив А. М. Горького. Т. X).

²⁴ Фритц Адольф Хюних (1885–1964) – германист; поэт; библиограф. Многолетний (с 1913 года) сотрудник издательства «Insel». Автор нескольких библиографических трудов, посвященных, в частности, – Р. М. Рильке (1919 и 1935) и С. Цвейгу (1931).

1948) немедленно написал по этому поводу своему московскому корреспонденту:

«15 июня 1925

Глубокоуважаемый господин Эттингер!

Сегодня я обращаюсь к Вам с просьбой. Господин Стефан Цвейг пишет мне, что до него с разных сторон дошли слухи о его книгах, которые якобы хорошо известны в России. Кроме того, он узнал от Георга Брандеса, что какая-то из его книг пользуется там особой популярностью. Создается впечатление, что некоторые из его книг уже переведены на русский, о чем сам писатель, конечно, и не подозревал. Поэтому ему хотелось бы знать, справедливо ли это его предположение, и я прошу Вас заглянуть в периодически публикуемую и Вам, разумеется, доступную библиографию²⁵ и сообщить, какие именно произведения Стефана Цвейга переведены на русский язык.

С наилучшими пожеланиями
преданный Вам
Ф. Хюних»²⁶.

Эттингер выполнил просьбу Ф. Хюниха. При этом он не только сообщил ему нужные сведения, но и отправил в Лейпциг две книги Цвейга в русском переводе (какие именно, можно только предполагать, но среди них был, по-видимому, экземпляр книги «Жгучая тайна. – Первые переживания», изданной «Временем») и выразил готовность достать его книгу о Ромене Роллане, изданную в 1923 году²⁷.

17 июля 1925 года Ф. Хюних пишет Эттингеру:

«Дорогой и уважаемый господин Эттингер!

Огромное спасибо за Ваше письмо от 9 числа сего месяца и сообщение о том, что книга Цвейга о Ромене Роллане также переведена на русский язык.

Было бы на самом деле весьма любезно с Вашей стороны, если бы взялись – в интересах господина Стефана Цвейга – найти один экземпляр. Вы могли бы сами порадовать его, прислав ему эту книгу; Вы ведь знаете

²⁵ По-видимому, Хюних имеет в виду «Книжную летопись».

²⁶ Немецкий оригинал см. в публикации: *Asadowski K. Stefan Zweigs russische Briefpartner (neue Materialien) // Österreichische Literatur: Interpretationen, Materialien und Rezeption. Hrsg. von Alexander W. Belobratow. St. Petersburg, 1999. S. 48 (Jahrbuch der Österreich-Bibliothek in St. Petersburg. 3. 1997/1998).*

²⁷ См. примеч. 18.

его адрес. Оба других перевода, ранее присланных, находятся уже в его руках»²⁸.

Не подлежит сомнению, что Этингер исполнил и эту просьбу, а кроме того прислал Цвейгу книгу «Амок», изданную в 1923 году «Атенеум» и переизданную «Временем» в декабре 1925 года. Таким образом завязалась прямая эпистолярная связь между Этингером и Цвейгом. Не случайно первое письмо Цвейга в издательство «Время» начинается с благодарственного упоминания об Этингере: «Благодаря исключительной любезности господина Павла Этингера я получил новое издание выпущенной Вами новеллы “Амок”. Он же сообщил мне, что вы хотели бы напечатать одну из моих новых книг до того как она появится в Германии. Приблизительно через *три месяца* я собираюсь издать третий том моих новелл под заглавием “Смятение чувств” и готов предоставить весь материал в Ваше распоряжение *за два месяца до появления* книги на немецком языке. Буду рад, если Вам удастся осуществить это издание»²⁹.

Известие о том, что его книги переводятся и печатаются в России без его ведома³⁰, вызвало у Цвейга не раздражение, а напротив – самую искреннюю радость: воспитанный в духе преклонения перед классической русской литературой, Цвейг мечтал об издании своих книг именно в России и надеялся на то, что они получат признание именно у русских читателей. «Когда я впервые узнал, – писал Цвейг позднее, – что мои сочинения распространяются в России без моего разрешения, я испытал – признаюсь чистосердечно – искреннюю радость <...> меня глубоко радовало, что мои книги, опередив меня, вошли в ту страну, которую увидеть и духовно сродниться с которой я стремлюсь уже много лет»³¹.

Переписка с Этингером во второй половине 1925 года положила начало многолетней переписке и тесному сотрудничеству австрийского писателя с советским издательством, обернувшегося, в частности, многотомным (и первым в нашей стране) Собранием сочинений Цвейга.

*

Письмо Цвейга от 30 декабря 1925 года было отправлено в Москву (писатель не знал, что издательство находится в Ленинграде) и получено адресатом лишь в середине января 1926 года. Начиная с весны 1926 года

²⁸ См.: *Asadowski K. Stefan Zweigs russische Briefpartner (neue Materialien)* //

²⁹ Стефан Цвейг. Письма в издательство «Время». / Публ. К. М. Азадовского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 224 (тексты писем – на немецком языке и в русском переводе).

³⁰ В 1925 году в московском издательстве «Солнце» была издана еще одна книга Цвейга – «Глаза убитого» (пер. Л. Н. Всеволодской); в дальнейшем название этой «легенды» переводилось на русский язык точнее: «Глаза извечного брата».

³¹ См. предисловие Цвейга к русскому изданию его Собрания сочинений (Т. I. Л., 1927. С. 11).

издательство «Время» ведет регулярную переписку с Цвейгом, который пытается всячески поддержать и даже стимулировать инициативу своего русского издателя: охотно соглашается предоставлять «Времени» рукописи своих новых произведений (с тем, чтобы они могли увидеть свет еще до их появления в Германии), отказывается от авторского гонорара (или сводит свои требования к минимуму) и т.д.

В марте 1926 года Цвейг посылает в Ленинград рукописи своих новелл «Двадцать четыре часа из жизни женщины» и «Смятение чувств» – осенью того же года они выйдут под одним переплетом (дата на титульном листе – 1927). В мае 1926 года Цвейг предлагает издательству опубликованную в 1917 году драматическую поэму «Иеремия» и обработанную им для театра пьесу английского драматурга Бен Джонсона (к тому времени еще не появившуюся в печати)³². Ободренное готовностью писателя к сотрудничеству и успехом его книг в России, издательство «Время» принимает осенью 1926 года смелое решение – осуществить многотомное собрание сочинений Цвейга. Цвейг радостно откликается на предложение издательства. В письме от 8 ноября 1926 года Цвейг делится с И. В. Вольфсоном своими соображениями по поводу задуманного издания, предоставляет «Времени» право первоиздания своих главных произведений на русском языке и рекомендует – в качестве автора вступительной статьи – австрийского критика и своего близкого друга Рихарда Шпехта (1870–1932).

Желание издательства расширить свое сотрудничество с Цвейгом стимулировалось, в известной степени, восторженными отзывами Максима Горького, признававшего в Цвейге большой литературный талант. «Интересны обе книжки Цвейга, это – серьезный писатель и довольно своеобразный – писал Горький Вольфсону 17 июля 1926 года³³. И спустя несколько месяцев, ознакомившись с только что изданным сборником «Смятение чувств», Горький восклицает: «Книжка Цвейга – подлинное искусство, а “Смятение чувств” – вещь классически прекрасная сделанная»³⁴. Именно поэтому, получив письмо Цвейга от 8 ноября 1926 года, Вольфсон тут же известил Горького о новом издательском проекте. «Мы, с согласия Цвейга, – писал Вольфсон 8 декабря 1926 года, – решили издать собрание его сочинений. Биографию, по его же, Цвейга, указанию, напишет за границей критик Шпехт. А вот к Вам, Алексей Максимович, такая просьба: так как Цвейга еще мало знают в России, не откажите, пожалуйста, написать хотя бы небольшое предисловие или вступление к собранию сочинений, в котором сможете сказать русскому читателю

³² Оба произведения на русский язык до настоящего времени не переведены.

³³ М. Горький и советская печать. Кн. 1. С. 31.

³⁴ Письмо М. Горького И. В. Вольфсону от 12 ноября 1926 г. из Сорренто // Там же. С. 35.

несколько слов о Цвейге»³⁵. А на другой день, 9 декабря, издательство направило письмо С. Цвейг, где между прочим говорилось:

«От нашего друга Максима Горького, который очень хвалил Вашу книгу “Смятение чувств” и в высшей степени ценит Ваш талант, мы также получили письмо, касающееся Ваших произведений. Так как Горький чрезвычайно популярен у нас, мы обращаемся одновременно и к нему с просьбой написать предисловие к собранию Ваших сочинений. Быть может, Вы сочтете уместным поддержать наше предложение и написать ему от себя несколько слов по этому поводу. Заранее благодарим Вас за это»³⁶. Максим Горький знает наше издательство и выпущенные им книги»³⁷.

Горький охотно откликнулся на просьбу И. В. Вольфсона и вскоре прислал написанное им предисловие³⁸. Весной 1927 года первый том собрания сочинений Цвейга увидел свет. В проспектах «Времени» это издание рекламировалось как «единственное на русском языке, разрешенное автором, с предисловиями Горького и автора, специально написанными для русского издания, с критико-библиографическим очерком Рихарда Шпета (Вена) и портретом автора, сделанным для издательства “Время” Францем Масерель (Париж)». Собрание сочинений издавалось в течение ряда лет (последние тома были выпущены в 1932 году); некоторые тома – вследствие огромного читательского спроса – выдержали по два (и более) издания. Эти двенадцать томов включали в себя основные произведения Цвейга, написанные им к тому времени, за исключением его драматургии и стихов, которые вообще не публиковались «Временем».

Издание на русском языке собрания сочинений Цвейга, начавшееся в 1927 году, еще более сблизило австрийского писателя с Россией. В те годы Цвейг – об этом отчасти свидетельствуют его письма в издательство «Время» – проявляет искренний интерес к «революционным преобразованиям» в СССР и всячески стремится подчеркнуть свою лояльность по отношению к советской стране. Его отношение к новой России особенно ярко проявилось осенью 1928 года, когда писатель побывал в Москве (на торжествах, посвященных столетнему юбилею Л. Н. Толстого), а по возвращении в Австрию опубликовал ряд очерков, объединенных впоследствии в брошюру под названием «Поездка в Россию»³⁹.

³⁵ М. Горький и советская печать. Кн. 1. С. 36–37.

³⁶ В опубликованных письмах С. Цвейга к М. Горькому за этот период никаких упоминаний о «предисловии» не встречается.

³⁷ РО ИРЛИ. Ф. 42. Ед. хр. 185. Л. 14 (оригинал – на немецком языке).

³⁸ См. письмо Горького к И. В. Вольфсону от 15 декабря 1926 г. // М. Горький и советская печать. Кн. 1. С. 38.

Цвейг прибыл в Москву 10 сентября 1928 года⁴⁰. Еще в поезде он дал интервью молодой писательнице Н. Кальма. «Сильнейшее любопытство влечет меня в Россию, – сказал Цвейг. – Вскоре я приеду сюда нарочно и тогда буду по-настоящему изучать родину, родившую Толстого и Достоевского»⁴¹.

В Москве Цвейга ожидало приветственное письмо от издательства «Время». «Всего несколько прошло с тех пор, как русский читатель познакомился с Вашими произведениями, – говорилось в этом письме. – Однако и за этот короткий промежуток времени Вам удалось с немислимой быстротой утвердиться на русской земле и снискать себе славу и известность у самых широких слоев населения»⁴².

В тот же день вечером Цвейг присутствовал на торжественном заседании в Большом театре. Вступительные доклады произнесли А. В. Луначарский и П. Н. Сакулин. За ними выступали иностранные гости, приглашенные на толстовские торжества (среди них – Б. Келлерман, Э. Ло Гатто и др.); они рассказывали о влиянии Толстого на их родине. С краткой речью (ее переводил профессор Е. М. Браудо) выступил и С. Цвейг. «Прошли столетия, – так начал свою речь австрийский писатель, – прежде чем Западная Европа стала интересоваться русской речью и литературой. Запад смотрел на Россию как на страну, у которой нечему поучиться. Лишь сравнительно недавно в русском народе стали находить источник культурных ценностей. Одним из факторов, содействовавших этому изменению, является творчество Толстого»⁴³.

«Я совсем не подготовился к выступлению, – писал Цвейг на другой день своей жене Фридерике, – но, немного поразмыслив, я решил говорить свободно <...> Как прекрасна и удивительна здешняя публика! Все слушали с таким напряжением – у нас это было бы невозможно»⁴⁴.

³⁹ *Zweig S. Reise nach Russland // Neue Freie Presse. 1928. 23., 26. und 28. Oktober* (отдельные отрывки публиковались в конце 1928 г. и в других немецких газетах). В том же году вышло в Вене отдельным изданием: *Zweig S. Reise nach Russland. Wien, Österreichische Journal-Aktiengesellschaft, 1928*. На русском языке публиковалось в ленинградской «Вечерней Красной газете» (1928. № 297. 27 октября. С. 4; № 299. 29 октября. С. 4; № 306. 5 ноября. С. 4; № 326. 26 ноября. С. 2; переводчик не указан). В другом переводе (Л. Миримова) – в кн.: *Цвейг С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. М., 1993. С. 367–403*.

⁴⁰ См.: *Известия. 1928. № 211. 11 сентября. С. 4*.

⁴¹ *Кальма Н. Литературные встречи // Красная Нива. 1928. № 41. С. 8*.

⁴² РО ИРЛИ. Ф. 42. Ед. хр. 185. Л. 46 (оригинал – на немецком языке).

⁴³ *Известия. 1928. № 212. 12 сентября. С. 5*.

⁴⁴ *Zweig S. Briefe an Freunde. Hrsg. von Richard Friedenthal. Frankfurt a. M., 1984. S. 197*.

Цвейг не упоминает в этом письме, что в фойе Большого театра вечером 10 сентября продавалась его книжка о Толстом, только что выпущенная в Ленинграде издательством «Красная газета» (тиражом в 25 тысяч экземпляров)⁴⁵.

11 сентября Цвейг посетил Музей изящных искусств, где состоялось торжественное открытие выставки, посвященной Льву Толстому. «По окончании осмотра выставки юбилейный комитет вместе с иностранными гостями посетил Музей Льва Толстого и его дом в Хамовниках, – сообщалось в «Известиях»⁴⁶. Поздно вечером, после концерта, Цвейг вместе с группой участников толстовского праздника отправился в Тулу; утром, проведя ночь в гостинице, гости прибыли в Ясную Поляну. Здесь их принимала Александра Львовна Толстая, младшая дочь Толстого, возглавлявшая тогда яснополянский музей (в 1929 году А.Л. Толстая покинула Советский Союз). Гидом» же, по словам Фридерики Цвейг, была внучка писателя С. А. Толстая-Есенина⁴⁷, с которой писатель в те дни сдружился (и впоследствии переписывался⁴⁸). Должно быть, во время той же поездки Цвейг познакомился с ее матерью Ольгой Константиновной Толстой (урожд. Дитерихс) – с ней, как и с А. Л. Толстой, Цвейг впоследствии также обменивался письмами.

День 12 сентября, проведенный в Ясной Поляне, навсегда запомнился Цвейгу. Особенно сильное впечатление произвела на него могила Толстого. «Ничего более величественного и впечатляющего я не видел в мире», – вспоминал он позднее⁴⁹. С этих же слов начинается и его очерк «Прекраснейшая в мире могила»⁵⁰.

Последующие дни Цвейга в Москве были до предела насыщены событиями и встречами. 13 сентября в помещении Большой Московской гостиницы (ныне – гостиница «Москва»), где жили зарубежные гости, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) устроило прием для иностранцев, прибывших на празднование юбилея Л. Н. Толстого. Среди присутствовавших был и С. Цвейг⁵¹. В тот же день вечером состоялась и личная встреча Цвейга с Горьким, находившихся

⁴⁵ Цвейг С. Великая жизнь (Лев Толстой). Л., 1928. Перевод Ст. Веткина.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Zweig F. Stefan Zweig. Wie ich ihn erlebte. Berlin, 1948. S. 184.

⁴⁸ Письмо Цвейга к С. А. Толстой-Есениной от 29 сентября 1928 г. (оригинал – на французском языке) и фрагмент письма от 25 декабря 1929 г. (оригинал – на английском языке) см. в нашей публикации «Stefan Zweigs russische Briefpartner (neue Materialien)» в кн.: Österreichische Literatur: Interpretationen, Materialien und Rezeption. S. 50–54.

⁴⁹ Zweig S. Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers. Berlin und Frankfurt a. M., 1962. S. 305.

⁵⁰ На русском языке публиковался отдельно. См.: Цвейг С. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1963. Т. 7. С. 349–350; Цвейг С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1993. Т. 10. С. 279–281.

⁵¹ См.: Известия. 1928. № 214ю 14 сентября. С. 3.

тогда Москве. «Самым ценным, что я привез домой, была дружба с Максимом Горьким, с которым я впервые увиделся в Москве», – писал Цвейг. (Второе и последнее свидание Цвейга с Горьком состоится в Сорренто в январе 1930 года.) Среди новых знакомых Стефана Цвейга следует назвать П. Д. Эттингера, с которым Цвейг переписывался еще в середине 1920-х годов (см. выше), писателя Владимира Лидина⁵² и др.

Особо следует сказать о грузинском писателе Григоле Робакидзе (1880–1962), прибывшем в Москву специально для встречи с Цвейгом (их переписка завязалась в 1927 году, когда Робакидзе находился в Германии – в командировке от Федерации грузинских писателей). В 1928 году в Германии на немецком языке выходит его роман «Змеиная кожа» с предисловием Цвейга⁵³. Цвейг принимал непосредственное участие в литературной и реальной судьбе Робакидзе, окончательно покинувшего Советский Союз в начале 1931 г.⁵⁴ После отъезда С. Цвейга из Москвы Робакидзе опубликует в грузинского журнале «Мнатоби» статью «Дни Толстого» – подробный рассказ о его московских встречах с Цвейгом. По словам Робакидзе, Цвейг знал и высоко ценил творчество Андрея Белого; он (Цвейг) говорил также о Пильняке и Фадееве⁵⁵.

Днем 14 сентября Цвейг написал небольшое предисловие к русскому изданию своей книги о Толстом, которое готовилось выпустить издательство «Время». В тот же день произошла его встреча с С. М. Эйзенштейном⁵⁶. Вечер Цвейг провел в Доме Герцена (позднее – Центральный дом литераторов), где беседовал с группой советских писателей (Вс. Иванов, Б. Пильняк, А. Эфрос и др.). Цвейг побывал также в Третьяковской галерее и в Московском Художественном театре (вечером 15 сентября), где смотрел спектакль по пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14–60», особенно восхищаясь игрой Качалова.

Вечером 15 сентября Цвейг выехал в Ленинград, где провел всего один день. Он посетил издательство «Время»⁵⁷, лично познакомился с И.В.

⁵² Позже С. Цвейг и В. Лидин встретятся в Гамбурге. См.: *Лидин Вл.* Стефан Цвейг // Новый мир. 1942. № 1–2. С. 234–237. См. также: *Лидин Вл.* Люди и встречи. М., 1961. С. 347–363.

⁵³ *Robakidse G.* Das Schlangenhemd. Ein Roman des georgischen Volkes. Jena, 1922.

⁵⁴ См. об этом подробнее: *Никольская Т.* Триумф и трагедия Григола Робакидзе // Звезда. 2004. № 9. С. 128–137. Несколько писем Г. Робакидзе к С. Цвейгу см. там же (С. 145–158; публ. и пер. К. Азадовского; примеч. К. Азадовского и Т. Никольской).

⁵⁵ Мнатоби. 1928. № 9–10 (искренне благодарю Т. Л. Никольскую, указавшую мне на статью Робакидзе и предоставившую в мое распоряжение ее конспект на русском языке).

⁵⁶ В архиве С. М. Эйзенштейна сохранились тезисы беседы с Цвейгом (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 973). О их знакомстве см. также: *Эйзенштейн С. М.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1964. С. 415–422.

⁵⁷ Среди писем Цвейга в издательство «Время» хранится его расписка в получении части гонорара, датированная 16 сентября 1928 года (РО ИРЛИ. Ф. 42. Ед. хр. 184. Л. 41).

Вольфсоном и его семьей (письма Цвейга в издательство «Время», относящиеся к 1928–1930 годам, свидетельствуют, что между ним и Вольфсоном завязались дружеские отношения). Кроме того, Цвейг посетил Государственный Эрмитаж, а вечером – Ленинградский академический театр оперы и балета. Наиболее сильное впечатление на него произвела М. Т. Семенова, о которой он, как рассказывает Г. Робакидзе, все время говорил: «Гениальная, гениальная...»

В своем эссе «Поездка в Россию» Цвейг посвятил Ленинграду две главы – «Посещение Ленинграда» и «Сокровищница Эрмитажа». Бродя по эрмитажным залам Цвейг с особой силой («с сердечной болью») почувствовал «напряженность, искони существовавшую в России между верхами общества и его низами», между преступным, кощунственным мотовством царей и безмерной, ужасной нищетой российских голодных деревень» и пришел к выводу, что «органичность русской революции нигде невозможно понять лучше, чем в сокровищнице Эрмитажа, в роскошных покоях Зимнего дворца в Ленинграде, Екатерининского дворца в Царском селе»⁵⁸.

Прощаясь с Ленинградом, Цвейг сказал: «Теперь я знаю путь в Россию. И я еще не раз приеду сюда, где меня так тепло и радушно встретили»⁵⁹. О своем намерении «при первом же случае снова приехать в СССР и поближе ознакомиться с жизнью советских народов и написать об этом книгу» Цвейг говорил и на другой день, 17 сентября, покидая Москву⁶⁰. Желание Цвейга посетить вторично Советский Союз было действительно очень сильным и не покидало его вплоть до 1933 года. «...Я собираюсь приехать в Россию вместе с моим другом, известным бельгийским художником Франсом Мазереелем, – сообщал Цвейг летом 1931 года А. В. Луначарскому, – мы хотим сделать вместе книгу с рисунками, которая выйдет на всех языках и будет – вы знаете нашу точку зрения – резко отличаться от стряпни низкопробных журналистов, полной лжи и ненависти – книгу документальную...»⁶¹ Однако этим планам Цвейга не суждено было сбыться.

*

Возникает вопрос: в какой степени Стефан Цвейг был захвачен предпринятым в СССР социальным экспериментом и действительно ли он верил в те «победы» и «успехи», о которых громогласно вещала советская

⁵⁸ Цвейг С. Собрание сочинений. Т. 10. С. 402.

⁵⁹ <Б.н.> Стефан Цвейг в Ленинграде // Вечерняя Красная газета. 1928. № 256. 16 сентября. С. 1.

⁶⁰ Известия. 1928. № 218. 19 сентября. С. 3.

⁶¹ См.: Прометей. Т. I. М., 1966. С. 291. См. также письма Цвейга в издательство «Время» от 1 марта 1929 г. и 16 ноября 1931 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. С. 248–249 и 251–252).

печать? Не следует ли воспринимать просоветские и «антизападнические» заявления Цвейга, сделанные во время его кратковременного пребывания в Москве и Ленинграде⁶² (а также позднее – в публичных выступлениях и письмах к деятелям советской культуры), как дань вежливости западноевропейского писателя по отношению к стране, которой он явно симпатизировал?

Цвейг вернулся в Зальцбург 19 сентября 1928 года. Своими впечатлениями и раздумьями по поводу всего увиденного он сразу же (буквально на другой день после возвращения в Зальцбург) поделился с Роменом Ролланом, с которым в течение долгих лет его связывала тесная дружба. Не приходится сомневаться, что именно письмо к Роллану от 21 сентября 1928 года доподлинно отражает подлинные мысли и настроения Цвейга того периода.

Начав с утверждения о том, что ничто в мире не вызывает сейчас такого интереса, как советская Россия, Цвейг пишет далее о своем «двойном восприятии» СССР:

«Перед твоими глазами происходит какое-то невероятное свершение, и лишь видя воочию гигантскую массу роскошных царских дворцов и безмерную нищету русской деревенской избы, понимаешь, что между ними в XX веке существовала такая пропасть, какой давно уже не знает Европа, и что это натяжение должно было завершиться разрывом. Преобладает чувственное впечатление, что русская революция в ее большевистской форме была вызвана необходимостью. “Да!” и “Само собой разумеется” – вот все, что можно сказать.

Достижения во имя народа – невероятны. Правда, наше чутье сразу же побуждает нас взглянуть и на проигравших, а это (наряду с истребленным дворянским классом и императорским домом) как раз те люди, которые нам ближе всего: свободные, независимые, живущие духовной жизнью. То, что перенесли эти люди именно теперь, за последнее время, отличавшееся величайшим напряжением (ибо над Советской Россией тяготеет опасность тяжелого экономического кризиса), – воистину беспримерно, и то, что они смогли это пережить, объясняется исключительно российской способностью претерпевать страдания. <...> И я считаю, что было бы сейчас ошибкой наносить русской революции удар в спину»⁶³.

О «многотерпеливости» русского народа, склонного к самопожертвованию и смирению, Цвейг размышляет и в других письмах –

⁶² «Если бы вы знали, как лгут у нас о России! Уезжая, я был опутан паническими предостережениями друзей и знакомых, как если бы речь шла о поездке в Китай XVII в. или в Африку к людоедам. Но то, что я видел и слышал, превзошло даже мои бесстрашные предположения» (Вечерняя Красная газета. 1928. № 256. 16 сентября. С. 1).

⁶³ *Romain Rolland. Stefan Zweig. Briefwechsel 1910–1940. Zweiter Band: 1924–1940. Berlin, 1987. S. 296–297.*

видно, что эта тема была для него крайне важна. «Конечно, террор нельзя оправдать, – пишет он, например, Роллану 3 октября 1928 года, – но, может быть, он отвечает исторической структуре России, поскольку (о чем я уже высказывался) русские люди не так страдают от ограничения их гражданских прав, как мы. Да и пропорции, разумеется, совсем иные, когда двести или пятьсот тысяч интеллигентов терпят лишения с тем, чтобы это пошло на пользу ста сорока миллионам, которые все-таки обрели в ходе русской революции свое человеческое достоинство.

В общем итоге: мы невольно ошибаемся, пытаясь приложить к России наши критерии свободы и требуя слишком многого сразу. <...> Вероятно, русские – единственный сегодня народ, способный ради идеи терпеливо взять на себе любые жертвы»⁶⁴.

С сожалением приходится констатировать: в 1920-е годы Цвейг был в значительной мере увлечен тем видением СССР, которое было свойственно определенной части интеллигенции на Западе, воспитанной на классической русской литературе, искренне любившей Россию⁶⁵, но подпавшей – подчас глубоко и надолго – под воздействие коммунистического «соблазна». В результате Стефан Цвейг превращается – на рубеже 1920-х – 1930-х годов – в общественную фигуру, известную своими симпатиями к СССР. Его имя постоянно используется советской пропагандой, тем более что Цвейг, честный и достаточно «ангажированный» писатель, считал своим долгом принимать участие в общественных акциях, не отказывался от разного рода «интервью», писал и подписывал коллективные письма, инициированные, как правило, из Москвы, и т.д.

Так, в 1930 году Цвейг – вместе с И.Р. Бехером, К. Тухольским и Ж.-Р. Блохом и др. отвечает на вопросы анкеты, составленной «Интернациональным бюро революционной литературы», под явно провокационным заголовком «Как вы будете вести себя в случае войны против СССР?»⁶⁶. В 1931 году помещает в однодневной газете МОПРАа (Международной организации революционных писателей), выпущенной 1 августа 1931 года, статью «К годовщине бесполезнейшей из всех войн».⁶⁷ Через несколько лет Цвейг публикует в СССР свой отзыв о... Карле

⁶⁴ Ibid., S. 310.

⁶⁵ «Стефан Цвейг любил русский народ всем своим сердцем», – свидетельствует жена писателя (цит. по: Stefan Zweig by Friderike Zweig. N.Y., 1946. P. 184).

⁶⁶ Опубликовано по-немецки в газете «Moskauer Rundschau» (1930. № 25. 22. Juni. S. 1–2). Русский перевод текста, предназначавшегося для публикации в журнале «Интернациональная литература», см.: РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 2. Ед. хр. 9.

⁶⁷ Напечатано в журн. «Литература мировой революции» (1932. № 4. С. 13–14). Другая редакция в кн.: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОПР). М., 1969. С. 353–356 (Литературное наследство. Т. 81). Там же – материалы к истории издания, переписка Цвейга с Б. Иллешом (секретарем МОПРа) и др. (предисл. и публ. Э. Фабри).

Марксе (в связи с 50-й годовщиной со дня смерти)⁶⁸. Из всех современных ему русских писателей Цвейг неизменно выделяет М. Горького; в 1931 году в Лейпциге выходят «Рассказы» Горького с его предисловием⁶⁹. К Цвейгу, как и к другим писателям Запада, известным своими «левыми» настроениями, обращаются с разного рода политическими призывами советские писатели⁷⁰. Постоянно укоряя С. Цвейга за его «идеалистические воззрения» и дискутируя о его творчестве, советская печать пытается в то же время навязать читателям образ «союзника» и «писателя-антифашиста». «...Я вместе с другими советскими писателями привык видеть вас в числе друзей боевых строителей социализма, – восклицал К. Зелинский. – Как далеко вы готовы идти по этому пути? Вот вопрос, который касается не меня лично, а и тысяч ваших читателей, всех тех, кто следует за вами и прислушивается к вашему голосу»⁷¹. Немалую роль сыграло (во всяком случае, в конце 1920-х – начале 1930-х годов) отношение к Цвейгу со стороны Луначарского, автора именовавшего австрийского (скорее, иронически) писателя одним из предисловия к 10-му тому Собрания сочинений в издательстве «Время»⁷².

Конечно, далеко не все, что происходило тогда в СССР, устраивало Цвейга. Например, он не закрывал глаза на положение советской интеллигенции. В своем письме к Роллану от 3 октября 1928 года Цвейг не случайно упоминает о «величайшем напряжении», в котором оказались в СССР люди интеллектуального труда – «свободные, независимые, живущие духовной жизнью». Мнение Цвейга основывалось не в последнюю очередь на его личных беседах с представителями советской

⁶⁸ Интернациональная литература. 1933. № 2. С. 159 (раздел, озаглавленный «Писатели о Марксе»). Среди других западноевропейских авторов, пожелавших выразить свое отношение к Марксу, были, в частности, Я. Вассерман, Г. Гупперт, Г. Лукач, К. Манн, М. Хаусман, П. Элюар.

⁶⁹ В письме к В. Бределю от 26 июля 1936 г. Л. Фейхтвангер отмечал: «Эта вступительная статья Стефана Цвейга – одна из лучших среди написанного о Горьком и, может быть, лучшее из всего, что сказано о Горьком на немецком языке» (Из истории Международного объединения революционных писателей (МОИП). С. 204).

⁷⁰ Ваше слово должно зазвучать! Открытое письмо Ромену Роллану, Бернарду Шоу, Стефану Цвейгу // Литературная газета. 1932. № 8. 17 февраля. С. 1. «В дни, когда капиталистический мир охвачен этой черной постыдной горячкой, – говорилось в этом обращении, – мы уверены, что вы присоедините свои мужественные голоса протеста и активной борьбы против угрозы новой, еще небывалой войны, которая кроется в лицемерных декларациях Лиги нации о миролюбии». Текст подписали Вс. Иванов, Л. Леонов, В. Лидин, Ю. Олеша, А. Фадеев.

⁷¹ *Зелинский К.* Письмо Стефану Цвейгу о Ромене Роллане // Литературная газета. 1932. № 24. 29 мая. С. 2. Письмо Зелинского было вызвано только что появившейся в издательстве «Время» книгой Цвейга «Ромен Роллан. Его жизнь и творчество» (12-й – и последний – том Собрания сочинений; перевод – П. С. Бернштейн; вступление – В. А. Десницкого).

⁷² В этом том, изданный в 1932 году, вошли эссе Цвейга о Гельдерлине, Ницше и Клейсте.

интеллигенции в сентябре 1928 года; с некоторыми из них он поддерживал дружескую переписку (П. Коган, В. Лидин, Н. Никитин, К. Федин и др.), старался им помочь, когда некоторые из них оказывались за границей, и т. п. В то же время Цвейг общался и переписывался с русскими писателями-эмигрантами (О. Дымов, А. Осоргин, Л. Шестов). Особая глава биографии Цвейга – его дружба с грузинским писателем Григолом Робакидзе⁷³.

Сомнения в отношении СССР не раз посещали Цвейга на протяжении 1930-х годов. Он, бесспорно, не мог воспринимать «на веру» такие события, как московские процессы 1936–1938 годов, репрессии в отношении лиц, которых знал лично (например, Б. Пильняка). Но и в этих случаях он – судя, в частности, по его письмам к Р. Роллану – находил слова, призванные оправдать избранный Россией путь: раскрепощение «великого русского народа», строительство «нового мира», историческая необходимость большевистской революции и т. п. Так, в письме к Роллану от 5 декабря 1936 года, высказывая опасение в том, что в России утверждается культ Сталина («новая религия» по модели «Сталин всегда прав»), Цвейг тут же замечает, что это «начинает искажать большевизм, подобно тому как католическая религия исказила раннее христианство»⁷⁴. Недоверие Цвейга к Сталину еще более усиливается в 1937 году. В письме к Роллану от 1 мая 1937 года Цвейг – под впечатлением от процессов «троцкистского центра» – уподобляет Сталина Гитлеру и Муссолини⁷⁵.

В Москве хорошо понимали, что Цвейг – идейно и тем более политически – не вполне надежный союзник. Советские отзывы о Цвейге 1930-х годов полны упреков в «пацифизме», «непоследовательности», «интеллигентских» настроениях, «романтическом донкихотстве» и т.п. Не лишены критических замечаний и вступительные статьи к отдельным томам русского Собрания сочинений, авторами которых были (помимо М. Горького) В. А. Десницкий и А. В. Луначарский. С позиций официальной советской идеологии 1930-х годов Цвейг оставался временным «попутчиком», далеким от признания коммунистической идеологии, «революционного насилия», большевистских методов борьбы за власть и т.д. Этим он заметно отличался от ряда западных писателей, прежде всего – от своего друга Роллана, неколебимо верившего в «успехи» и «свершения» советской страны, как и в образ «вождя», созданный советской пропагандой. Не случайно, обращаясь к Цвейгу, А. Луначарский и К. Зелинский, открыто противопоставляли его Роллану. «От пацифизма Роллан пришел к признанию социальной революции, к резкому осуждению политики империализма и его органов, как Лига Наций», –

⁷³ См. примеч. 54.

⁷⁴ *Romain Rolland. Stefan Zweig. Briefwechsel 1910–1940. Zweiter Band: 1924–1940. S. 641.*

⁷⁵ *Ibid.*, S. 650.

подчеркивал (в укор Цвейгу) К. Зелинский⁷⁶. А в своей статье, иронически названной «Корифеи интеллигенции», Луначарский позволил себе следующее восклицание: «Слабо, мистер Цвейг, слабо! Совсем не так, как у вашего друга Романа Роллана!»⁷⁷

Эти полемические, и подчас весьма резкие отзывы, появившиеся на страницах московской печати, не слишком отпугивали или смущали Цвейга. Он продолжал говорить то, что думал, оставаясь «самим собой», – наивным и близоруким идеалистом, решительно не желающим замечать циничную природу советского режима и прислушиваться к сообщениям западной печати о СССР. Характерный пример – письмо Цвейга к Роллану от 27 марта 1936 года. «В Вене, – сообщает Цвейг, – опубликовано воззвание в защиту евреев <...>, в котором говорится: “Нынешнее правительство лишает евреев жизненных возможностей”⁷⁸ (и это в стране, где министр иностранных дел – еврей⁷⁹), и к списку подписавших любезно присоединили мою фамилию. Я тотчас же написал в Москву Лидину и попросил его поместить в русских газетах опровержение; надеюсь, он это сделал. Но какое бесстыдство!»⁸⁰

Свои иллюзии в отношении СССР Цвейг сохранял вплоть до начала Второй мировой войны. В ноябре 1937 года он направил в Иностранную комиссию Союза советских писателей поздравление в связи с 20-летием Октябрьской революции. В отчете Иностранной комиссии за вторую половину 1937 года приводится отрывок из письма Цвейга – о том, что «через сто, а может быть и 50 лет возникновение Советского Союза будет считаться важнейшим событием того времени»⁸¹.

И только союз Сталина и Гитлера, заключенный в августе 1939 года, и последовавшие затем военно-политические события смогли поколебать

⁷⁶ Зелинский К. Письмо Стефану Цвейгу о Романа Роллане // Литературная газета. 1932. № 24. 29 мая. С. 2.

⁷⁷ Луначарский А. «Корифеи интеллигенции» // Литературная газета. 1931. № 9. 14 февраля. С. 2.

⁷⁸ Какие именно факты послужили причиной венского «воззвания», – неизвестно. Не подлежит, однако, сомнению, что эти факты не были надуманными: антисемитизм на государственном уровне стал насаждаться в СССР уже во второй половине 1930-х гг. «Курс сталинского руководства на возрождение имперского шовинизма, последовательное уничтожение в партии интернационалистского духа и ленинских кадров, увенчавшийся официальной проповедью примиренчества с нацистской идеологией на международной арене и жестокой расправой с противниками этой идеологии у себя в стране в конечном итоге обернулся переходом к негласной политике государственного антисемитизма» (Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. С. 196).

⁷⁹ Наркомат иностранных дел СССР возглавлял тогда М. М. Литвинов (наст. имя и фамилия – Макс Валлах; 1876–1951).

⁸⁰ Romain Rolland. Stefan Zweig. Briefwechsel 1910–1940. Zweiter Band: 1924–1940. S. 625. «Опровержение» Цвейга в советской печати не появилось.

⁸¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 418. Л. 18 и 21.

веру Цвейга в историческую миссию советской страны. Возможно, именно здесь следует искать корни внутренней трагедии Цвейга. Честный и во многом наивный писатель, не принимавший «буржуазной» современности и пытавшийся найти выход то в исчезающем западноевропейском культурном пространстве (“Die Welt von Gestern”), то в мире «светлого будущего», воплощением которого был для него в 1920-е – 1930-е годы Советский Союз, он мучительно переживал крах своих «интеллигентских» иллюзий, должно быть, и подтолкнувший его в феврале 1942 года к последнему непоправимому шагу.